

Ю.В. Хен

Цели и средства евгеники (этический и естественно-научный статус дисциплины)

Евгеника как учение о «хорошем роде» оформилась в самостоятельную дисциплину к концу XIX столетия. Она включила в себя блок естественно-научных теорий (дарвинизм, генетика, эмбриология и т.д.), разнородные социально-экономические и политические учения (неомальтузианство, меркантилизм, национал-социализм и т.д.), а также несметное количество предрассудков и «вековой народной мудрости», по-своему объяснявших механизм передачи качеств по наследству. По замыслу Ф.Гальтона, считающегося основателем научной евгеники, этот конгломерат должен был служить выполнению единой задачи: опираясь на знание естественных законов, выработать рекомендации по созданию совершенного в физическом, умственном и нравственном отношении человека. В изменившейся общественно-политической ситуации, при многократно возросшем «техническом» потенциале генетики вопросы о моральной ответственности ученого, о допустимости вмешательства в естественный ход событий, о суверенитете личности и ее долге перед обществом (государством) и грядущими поколениями оказываются столь же сложными для осмысления, как и тогда, когда научная евгеника делала свои первые шаги.

Идея усовершенствования человека, составляющая основу всякого проекта переустройства государства на евгенической основе, уходит своими корнями в такую седую древность, когда не существовало не только генетики, но и государства в его современном понимании. Это говорит о том, что стремление к совершенству присуще человеческому роду изначально и не находится в прямой зависимости ни от объективного состояния здоровья людей, ни от наличия технических возможностей на это состояние влиять.

Антропогенные мифы народов мира, населяющих весьма далекие друг от друга области земного шара, сходным образом описывают не только происхождение человека, но и причины его несовершенства. Их базовый сюжет — это рассказ о том, как человек, изначально щедро наделенный богами чудесными «дарами», в процессе земной жизни утратил часть первоначальных качеств и способностей, таких, например, как красота и сила, но в первую очередь, конечно, бессмертие. Причины утраты называются разные: преступления, совершенные предками (первородный грех или убийство соплеменника), нарушение божественных заповедей, козни враждебно настроенных по отношению к человеку демонов и т.д. — стихия жизни, ее неупорядоченность, влияние страстей и нежелание следовать указаниям разума. Из этого следовало, что путь к восстановлению совершенства лежит через разумное упорядочивание жизни (прежде всего — взаимоотношения полов), через контроль за воспроизводством, тщательный подбор пар и элиминацию неудачных результатов. Правильность метода обосновывалась тем, что именно так действует проверенная веками и прекрасно зарекомендовавшая себя практика выведения новых пород домашнего скота.

Однако приложение методов зоотехнии к роду человеческому породило ряд проблем этического характера, основная из которых связана с вопросом о «главном селекционере», которому можно доверить разделение человеческого стада на достойных и недостойных продолжения рода. Другой неприятный вопрос — это судьба выбракованных особей: следует ли обходиться с ними так, как с бесперспективным приплодом племенного скота, или ценность человека должна рассчитываться по какому-то другим критериям?

Опыт практической евгенической политики в нацистской Германии породил расхожее представление о том, что евгеника — это затея, преследующая благие цели, но привлекающая для их достижения плохие средства. Таким образом, «учение о хорошем роде» было представлено в виде двух задач, одна из которых (создание совершенного человека) оценивалась позитивно, а другая (разработка практических мер селекции человеческого рода) — негативно. Цель настоящей статьи — показать, что, во-первых, обе эти задачи настолько тесно связаны между собой, что разделить их не представляется практической возможностью; и, во-вторых, что нехороши не только методы евгеники, но и ее цели. Неравнозначное же отношение к названным составляющим евгеники определяется тем, что предлагаемые ею меры селекции антигуманны и недемократичны с точки зрения традиционной морали, но главное — достаточно революционны.

Что же касается идеального человека, то в любой исторический момент он соответствует тому образцу, который *уже* существует в данном конкретном социуме и потому не вызывает неприятия. Для того чтобы понять, что всякий идеал является исторически ограниченным, надо взглянуть на него из отдаленной перспективы. Только тогда становится очевидным, что какими бы благими ни были цели евгеники, их осуществление не несет человечеству ничего кроме застоя и стагнации, ибо идеалы ее консервативны, как консервативен любой прогноз на будущее, основанный на анализе наличной ситуации (других прогнозов человечество пока делать не научилось). Иными словами, усовершенствование человека в соответствии с любыми имеющимися представлениями об идеале чревато неотвратимой гибелью человечества. Дабы это утверждение не было голословным, обратимся к историческим примерам.

Одной из самых ранних дошедших до нас утопий является идеальное государство Платона. Эта тщательно выверенная логическая конструкция наглядно демонстрирует свое сродство с социально-историческим субстратом, породившим ее. По сути государство Платона оказывается слепком с античного полиса, доведенным логическими средствами до абсурда.

Лучшими людьми идеального платоновского государства оказываются «стражи»¹, сословие надзирателей, проводящих все свое время в тренировках и заучивании специально подобранных «цензурой» мифов и гимнов. Это люди, не знающие ни родителей своих, ни детей, беспорядочно спаривающиеся между собой для производства здорового потомства: «Все жены этих людей должны быть общими, а отдельно пусть ни одна ни с кем не сожительствует. И дети тоже должны быть общими, и пусть отец не знает, какой ребенок его, а ребенок — кто его отец» (1, с. 254). Платон неоднократно сравнивает стражей с породистыми щенками и не видит ничего зазорного в применении к людям мер селекции, обычных для животноводства. Чтобы не лишать молодежь иллюзии свободного выбора партнера, предлагается устроить жеребьевку. Причем, рекомендует Платон, «жеребьевку надо, я думаю, подстроить как-нибудь так, чтобы при каждом заключении брака человек из числа негодных винил бы во всем судьбу, а не правителей» (1, с. 257). Для того, чтобы «сводить» вместе юношей и девушек, достигших брачного возраста, предлагается установить законом какие-нибудь празднества, а определение количества браков предоставить правителям, дабы они смогли контролировать количество населения с учетом войн, болезней и т.д. Союзы должны заключаться таким образом, чтобы лучшие мужчины соединялись с лучшими

женщинами, а худшие, напротив, с самыми худшими, причем потомство лучших мужчин и женщин следует воспитывать, а потомство худших — нет, «раз наше стадо должно быть самым отборным. Но что так делается, никто не должен знать, кроме правителей, чтобы не вносить ни малейшего разлада в отряд стражей» (1, с. 257). Все родившееся потомство немедленно отбирается у матерей и поступает в распоряжение должностных лиц, которые определяют, кого из детей отдать в ясли для дальнейшего вскармливания, а кого «укрыть в недоступном тайном месте», т.е. подвергнуть эвтаназии.

Платон не стесняется обсуждать такие вопросы, которые в более поздние, христианские времена до известной степени попадают под моральный запрет. Но благодаря этой откровенности становятся явными два момента: во-первых — историческая ограниченность представлений об идеальном человеке, и во-вторых — полная подчиненность этого идеала представлениям о совершенном государственном устройстве. Последнее с точки зрения евгеники принципиально важно, поскольку вскрывает действительное назначение евгеники, каковым является вовсе не создание совершенного человека, а построение совершенного государственного механизма.

Аналогичная картина вырисовывается и при рассмотрении концепций других великих утопистов — Т.Мора и Т.Кампанеллы. В «Утопии» Томаса Мора историческая привязка обозначена очень четко: будучи современником колонизации Америки, автор полностью подчиняет идеальное общество потребностям роста и распространения колоний. Мор детально описывает механизм экспансии цивилизных поселений в земли диких аборигенов. Соответственно в его демографической программе отсутствует пункт об ограничении размножения, являвшийся для Платона предметом специального обсуждения: «Во избежание чрезмерного малолюдства городов, — пишет Т.Мор, — или их излишнего роста принимается такая мера предосторожности: каждое семейство, число которых во всяком городе, помимо его округа, состоит из шести тысяч, не должно заключать в себе менее 10 и более 16 взрослых. Что касается детей, то число их не подвергается никакому учету. Эти размеры легко соблюдаются путем перечисления в менее людные семейства тех, кто является излишним в очень больших. Если же переполнение города вообще перейдет надлежащие пределы, то утопийцы навестывают безлюдье других своих городов. Ну, а если народная масса увеличится более надлежащего на всем острове, то они выбирают граждан из всякого города и устраивают по своим законам колонию на ближайшем материке» (2, с. 121). Счастливое население острова Утопия, так же, как и граждане иде-

ального платоновского государства, живет в условиях какого-то уродского коммунизма и, хотя жены и дети у каждого свои, но зато имеют место совместные трапезы в общественных столовых, где место каждого и порядок получения блюд строго определены его социальным статусом. Залогом процветания этого общества, так же, как и платоновского Государства, является абсолютное подчинение индивидуальной жизни интересам общины, выразителем которых является группа старейшин. Физическое здоровье относится «почти всеми утопийцами» к разряду удовольствий. Поэтому «если болезнь не только не поддается врачеванию, но доставляет постоянные мучения и терзания, то священники и власти обращаются к страдальцу с такими уговорами: он не может справиться ни с какими заданиями жизни, неприятен для других, в тягость себе самому и, так сказать, переживает уже свою смерть; поэтому ему надо решиться не затягивать далее своей пагубы и бедствия, а согласиться умереть, если жизнь для него является мукой; далее, в доброй надежде на освобождение от этой горькой жизни, как от тюрьмы и пытки, он должен сам себя изъять из нее или дать с своего согласия исторгнуть себя другим» (2, с. 163–164). Иными словами, человек имеет право жить лишь до тех пор, пока он не в тягость общине, а потом светские и духовные власти совместными усилиями уговорят его покончить жизнь самоубийством.

Семейная жизнь также строго регламентирована и лишена человеческой теплоты. Физические качества потомства обеспечиваются ритуалом сватовства, в процессе которого жених и невеста предстают друг перед другом в обнаженном виде, дабы никакой физической изъян не был скрыт от глаз нареченного. Т.Мор считает этот обычай чрезвычайно прогрессивным и полезным для оздоровления народонаселения. Ведь при покупке лошади, говорит он, люди подвергают ее всестороннему осмотру, а при выборе «счастья на всю жизнь» довольствуются только обзором лица. «Этим они подвергают себя большой опасности несчастного сожительства, если в последствии окажется какой-нибудь недостаток» (2, с. 166). Как видим, и здесь имеет место пресловутая аналогия с разведением скота, при этом упускается из виду тот факт, что лошади после случки сразу расходятся, им не приходится вместе воспитывать детей и коротать старость. Тогда как для людей отсутствие физических изъянов еще не является гарантией «счастья на всю жизнь».

Идеальное общество другого известного утописта — Томазо Кампанеллы — построено по образцу средневекового города, окруженного многочисленными каменными стенами, которые, впрочем, используются и для обучения подрастающего поколения, так как на их

внутренней поверхности содержится много полезной информации. Жизнь в этом «Городе солнца» еще более регламентирована, чем в государстве Платона и Утопии Т.Мора. За интимной жизнью граждан наблюдает специальное должностное лицо – Любовь, – в обязанности которого входит надзор за деторождением и за тем, чтобы сочетание мужчин и женщин давало наилучшее потомство. Кампанелла детально рассматривает вопросы воспроизводства населения, открыто провозглашая приемы разведения скота образцом и для человеческих взаимоотношений. Как он пишет, солярии «издеваются над тем, что мы, заботясь усердно об улучшении пород собак и лошадей, пренебрегаем в то же время породой человеческой» (3, с. 36).

У соляриев принята общность жен на том основании, что все остальное у них тоже общее. Кампанелла педантично описывает брачные традиции, бытующие в Городе Солнца: «Ни одна женщина не может вступать в сношение с мужчиной до 19-летнего возраста; а мужчины не назначают до производству потомства до 21 года или даже позже, если они имеют слабое телосложение» (3, с. 51). Разрешение на вступление в брачные отношения исходит от главного «начальника деторождения», опытного врача, подчиненного «правителю Любви». Процедура подбора кандидатов протекает следующим образом: «Когда же все, и мужчины и женщины, на занятиях в палестре, по обычаю древних Спартанцев, обнажаются, то начальники определяют, кто способен и кто вял к совокуплению и какие мужчины и женщины более подходят друг к другу; а затем, и лишь после тщательного омовения, они допускаются к половым сношениям каждую третью ночь. Женщины статные и красивые сочетаются только со статными и крепкими мужами; полные же – с худыми, а худые – с полными, дабы они хорошо и с пользой уравнивали друг друга» (3, с. 52). Час совокупления определяется врачом и астрологом. Должностные лица, которые все являются одновременно и священниками, допускаются к совокуплению только при соблюдении многих дополнительных условий, «ибо от усиленных умственных занятий ослабевают у них жизненные силы, и мозг их не источает мужества, потому что они постоянно о чем-нибудь размышляют и производят из-за этого худосочное потомство. А этого они всячески стараются избежать, и потому таких ученых сочетают с женщинами живыми, бойкими и красивыми. Людей же резких, быстрых, беспокойных и неистовых – с женщинами полными и кроткого нрава» (3, с. 54).

Солярии считают также (и в этом их взгляды совпадают с современными генетическими представлениями), что совершенного телосложения, благодаря которому развиваются добродетели, нельзя до-

биться путем тренировок, что все решает дурная или хорошая наследственность. Именно поэтому «все главное внимание должно быть сосредоточено на деторождении и надо ценить природные качества производителя, а не приданое или обманчивую знатность рода» (3, с. 55).

Несмотря на полную упорядоченность, а может быть именно благодаря ей, жизнь людей в Городе Солнца выглядит еще более серой и безрадостной, чем в фантазиях предшественников Кампанеллы. Отвращение вызывают не только методы подбора пар для совокупления, но и сами добродетельные индивиды, рожденные в результате этих совокуплений.

Приведенные примеры относятся к так называемому *донаучному* периоду развития евгенической идеи, то есть к тому этапу, когда биологический механизм наследования еще не был известен. Характерной чертой этого периода является то, что ранние утопические проекты разрабатывались в отсутствие социального заказа, так сказать из любви к искусству, из чисто метафизической потребности. Но приблизительно к середине XVIII века постепенно оформляется государственная политика народонаселения, и, в контексте меркантилизма, «население» начинают рассматривать как ресурс, подлежащий учету и контролю наряду со всеми прочими ресурсами. Возникает демография как новая область систематического знания, отслеживающая процентное соотношение смертности и рождаемости и служащая основой для управленческих решений государственного аппарата. «И на этой познавательной базе сто лет спустя возникает евгеника как дисциплина, ориентированная на управление и контроль за наследственным здоровьем человека» (4, с. 17).

Этому замыслу не суждено было осуществиться, и не только потому, что естественнонаучная база проекта была явно переоценена, но и потому, что «гуманитарная» составляющая евгеники не справилась с возложенной на нее задачей определения целей и допустимых средств евгенического вмешательства. При этом нельзя сказать, что обсуждению этих проблем уделялось недостаточно внимания. Напротив, каждый шаг евгенических разработок сопровождался ожесточенными спорами, но в силу специфики евгенической проблемы (вопроса об идеальном человеке и допустимости вмешательства в его природу (промысел божий)), эти дискуссии породили много путаницы и псевдорешений, которые еще больше затруднили оценку этического и естественнонаучного статуса евгеники.

В основу «научной» евгеники, базовые принципы и задачи которой сформулировал Ф. Гальтон, легли генетические законы Менделя и теория Дарвина о происхождении видов путем естественного отбо-

ра. Поскольку на сей раз евгеника оказалась востребованной, ее появление на идейной арене вызвало сильнейший общественный резонанс, и к концу XIX века евгеническое движение охватило все «культурные» страны мира.

Основная идея, позаимствованная евгеникой у дарвинизма, это значение естественного отбора для поддержания высокого стандарта физических качеств биологического вида. В свете этого открытия многие проблемы человечества, которые раньше тоже стало рассматриваться как биологический вид, получили совершенно неожиданное, естественное объяснение. Нищета, голод, многочисленные болезни, перенаселение и т.д. — все это выглядело закономерным в свете представлений об ослаблении «давления» естественного отбора в человеческом обществе. Там, где прежде виделось роковое стечение обстоятельств, ошибки политиков, злая воля капиталистов, наконец, «промысел Божий», теперь отчетливо проступило неумолимое действие законов природы. Ослабление действия естественного отбора (по некоторым оценкам в 10 раз) обернулось катастрофой для человека; вырождение оказалось платой за безопасную, сытую жизнь, за развитие медицины и программ социальной защиты населения. Рассуждения о неразумном гуманизме и всеобщем вырождении стали проходной темой евгенических сочинений. Например, биолог Ю.А.Филипченко, возглавивший ленинградское отделение Русского Евгенического общества, живописует плачевное состояние здоровья своих современников следующим образом: «В настоящее время благодаря изменению культурой нормального хода подбора замечается безусловное ухудшение многих качеств современного человека... Одним из симптомов подобного ухудшения является уменьшение способности сопротивляться различным неблагоприятным условиям, вроде холода, голода, а также многим болезням. Люди, живущие в культурных условиях, гораздо хуже переносят всевозможные лишения, гораздо тяжелее реагируют на простуду и некоторые другие заболевания, которые раньше были практически неизвестны. Несомненно все это является следствием известного ослабления конституции, произошедшего благодаря тому, что подбором в настоящее время устраняются далеко не все слабые элементы, которые передают эту слабость потомству» (5, с. 145). Подобные рассуждения встречаются практически во всех трудах, посвященных проблемам евгеники. Самоочевидным выходом из ситуации представлялся «искусственный отбор», т.е. введение *государственного* контроля за качественным составом населения. Евгенике отводилась роль научного консультанта при государственных структурах, роль основного

разработчика практических программ расовой гигиены, указующего путь к достижению евгенического идеала — выведению сильного и здорового индивида. Новая евгеника, порождение эпохи веры в конечное торжество позитивной науки, должна была принципиально отличаться от евгеники утопического периода. Как говорил Н.К.Кольцов, возглавивший Московское отделение Русского Евгенического общества, выступая в годичном заседании названной организации, прежние революционные и реформаторские проекты строились на голых принципах, а современная евгеника — на эволюционном учении (6, с. 4). В этом, как ему представлялось, заключается основной творческий потенциал евгеники, ибо современный ученый *знает*, что человеческая природа может быть изменена, а значит, он может быть заранее уверен в успехе своего предприятия.

Евгенисты думали, что они создают не утопии, а строгие научные теории. Среди публикаций означенного периода много практических программ «расовой гигиены», в которых подробно, пункт за пунктом описываются конкретные мероприятия, имеющие своей целью оздоровление народонаселения². Но суть всех этих программ можно свести к обычному для евгеники разделению человеческого стада на достойных и недостойных размножения. Недаром один из расхожих афоризмов того времени гласит, что всякий мужчина и всякая женщина имеют право на свою долю человеческого счастья, но не всякий имеет право быть отцом или матерью.

Какова бы ни была самооценка «научных» евгенистов, основным жанром их творчества оставалась утопия. Она служила задаче адаптации общественного сознания к совершенно новой, эпатажной морали, ведь евгеника выступала против освященной веками традиции, гласившей, что между человеком и животным пролегает непроходимая граница.

Прежде всего, претворение евгенической идеи в жизнь требовало проведения *сексуальной революции*. И для того, чтобы сделать положения новой «естественной морали» более зримыми и привычными, евгеники научного периода нередко прибегали к старому, испытанному средству — сочинению утопий, отображающих «научно обоснованную» систему государственного управления воспроизводством народонаселения. Утопическими конструкциями пестрят труды многих евгеников, в том числе и таких маститых, как основатель евгеники Ф.Гальтон, или А.Плётц, стоявший у истоков немецкой «расовой гигиены».

«Утопия» Гальтона носит характерное название «Cantsaywhere» (английская калька с греческого «утопия»). Выполнение функции евгенического контроля в этой стране возложено на «коллегию» спе-

циалистов, которые, пользуясь особым «метрическим» методом, производят оценку наследственных физических и психических качеств индивида. Окончательный вердикт коллегии, выносимый после подсчета всех плюсов и минусов, выглядит как «пригоден» или «не пригоден» к размножению. Лица, не выдержавшие «экзамена», находятся на полном обеспечении у государства до тех пор, пока соблюдают запрет на производство потомства. Нарушителей запрета вынуждают эмигрировать из страны. Принудительной сегрегации подлежат только душевно больные, дабы оградить от них остальных граждан. Прогнозирование генетического статуса остальных граждан, согласно Гальтону, носит характер «статистической определенности», поэтому рождение ребенка «непригодными» родителями рассматривается как евгеническое преступление даже в том случае, если ребенок оказывается вполне нормальным. Такие меры, считает Гальтон, превратят искусственный отбор в достойный противовес расслабляющему действию цивилизации: «То, что природа делала слепо, медленно и жестоко, следует делать прозорливо, быстро и мягко»³.

Изобретатель термина «расовая гигиена» А.Плётц в своем основополагающем для немецкой евгеники труде с исчерпывающим названием «Ценность нашей расы и защита слабых. Опыт расовой гигиены и ее отношение к гуманным идеалам, особенно к социализму», гораздо меньше внимания, чем Ф.Гальтон, уделяет разбору возможных ошибок при вынесении евгенического приговора. Его как врача, привыкшего к созерцанию человеческих несовершенств, заботит не столько возможная несправедливость в отношении отдельного индивида, сколько интересы расы в целом. Ибо он осознает опасность, которую представляет защита слабых для немецкого народа. Опираясь на труд Дарвина о половом подьеме, цитату из которого он приводит (любимый всеми евгенистами отрывок о родословной лошадей и скота), Плётц выстраивает собственную научно обоснованную процедуру производства усовершенствованных человек, призванную остановить вырождение и возродить былую мощь немецкой нации.

Прежде всего, производство потомства допускается только лицам, достигшим полной половой зрелости, каковая, по его мнению, наступает у мужчин в 26 лет, а у женщин – в 24. Далее, супружеская пара, решившая обзавестись потомством, должна придерживаться здорового образа жизни, то есть правильно питаться, заниматься физкультурой и соблюдать режим. Если же, несмотря на все эти гигиенические меры, ребенок родится слабым или ущербным, то специальная медицинская коллегия, принимающая решение о присуждении гражданства новорожденному, подготовит для него легкую

смерть, например посредством небольшой дозы морфия. «Родители, воспитанные в строгом уважении к интересам расы, не слишком долго будут предаваться скорби, но радостно и со свежими силами предпримут вторую попытку, если комитет по воспроизводству позволит им это сделать после предыдущей неудачи» (7, с. 144). Кроме того, уничтожению подлежат все дети, рожденные от матерей старше 45 лет или отцов старше 50. Женщинам также запрещено рожать более шести раз, все потомство от последующих родов подлежит уничтожению. Вскармливаются только те младенцы, которые выдерживают первичное освидетельствование комитетом по воспроизводству.

При таком жестком контроле за размножением со стороны властных структур необходима особая обработка сознания граждан. В связи с этим главной задачей педагогической системы по Плётцу является воспитание уважения к интересам расы и беспрекословного подчинения индивида обществу. Короче говоря, здесь мы имеем дело с традиционным немецким «*Ordnung über Alles*».

Помимо привития подрастающему поколению чувства расового долга, воспитание направлено на максимальное развитие физических и умственных способностей. Это важно, поскольку в конце обучения юноши и девушки оцениваются по каждому параметру в отдельности, а итоговая оценка – это не просто «хорошо» или «плохо», как у Ф.Гальтона, а указание на то, скольких детей может иметь данный индивид: ни одного, одного, двоих и т.д. Число разрешенных детей для пары – это среднее арифметическое баллов отца и матери.

Для того, чтобы поставить всех детей в равные экономические условия и избежать nepотизма со стороны состоятельных родителей (что в конечном итоге могло бы привести к вырождению класса богатых людей), Плётц предлагает отменить наследственное право, дабы каждый индивид вступал в экономическую борьбу вооруженный только своими врожденными способностями и равной долей средств производства, ссужаемых ему на первых порах в виде кредита. Автор полагает, что более способные быстро разбогатеют, а наименее способные – обнищают. Помощь бедным со стороны государства должна быть минимальной, и предоставлять только в том случае, если объект уже не участвует в размножении. Помощь слабым, слепым, глухим и т.д. рассматривается как противоестественная, поскольку она работает против естественного отбора.

Величайшим злом и «напрасной растратой качественного материала» Плётц считает кровопролитные социальные революции, особенно такие, в которых провозглашается губительный для нации лозунг равноправия слабых. Зато войны, по Плётцу, дело вполне есте-

ственное, ибо такова форма проявления борьбы народов за существование. Единственное, о чем должны заботиться соответствующие органы в случае вступления нации в войну, это чтобы в армию попадал материал поплотнее, «чтобы убыль хороших производителей не была чрезмерной» (7, с. 147).

Похожие идеи можно встретить и в работах Н.К.Кольцова, который в статье с характерным названием «Улучшение человеческой породы» подводит «евгенические итоги» периода войн и революций, сотрясавших Европу на рубеже XIX и XX вв. Он пишет, что война унесла миллионы людей, погибших на поле сражения, и десятки миллионов граждан, погибших от болезней, недоедания и в особенности — неродившихся младенцев. Однако, замечает автор, «ведь для эволюции человечества совсем неважно сокращение численности населения на несколько десятков миллионов. С евгенической точки зрения важно знать, были ли эти миллионы лучшими или худшими, то есть стояли они выше или ниже среднего уровня» (6, с. 23). Бомбы равномерно уничтожают население обеих сторон, не влияя на его структуру. «Но при междуусобных войнах пули обладают силой выбора: каждая сторона с особым ожесточением истребляет наиболее выдающихся из своих противников, между тем как широкие массы, обычно явно не примыкающие ни к той, ни к другой стороне, остаются вдали от действия убийственной борьбы...» (6, с. 24). Поэтому результаты гражданской войны и революции, особенно если они затягиваются на годы, как это случилось в России, оказываются с евгенической точки зрения гораздо более губительными, чем результаты международных конфликтов: «Раса беднеет активными элементами и это обеднение в особенности губительно для расы потому, что большинство революционных деятелей погибает в молодом возрасте, не оставляя потомства, вследствие чего и следующее поколение также оказывается состоящим в громадном проценте из «инертных» людей» (6, с. 25). Переломить неблагоприятный ход событий, изменить соотношение активных и пассивных элементов в обществе и призвана евгеника.

Очевидно, что достижение этой евгенической цели связано со сменой ценностных установок, в результате которой высшей ценностью должна быть признана «жизнеспособность» особей (как если бы в обществе действовал естественный отбор). Но по мнению Н.К.Кольцова человеческий род должен совершенствоваться и духовно (имеется в виду познавательная способность), так чтобы люди, неспособные воспринимать современные идеи, «мало-по-малу уступили место» представителям типа с более совершенным мозгом: «Конечно, будущий человек не должен быть развит слишком односторонне. Он

должен быть также снабжен и здоровыми инстинктами, сильной волей, врожденным стремлением жить, любить и работать, должен быть физически здоров и гармонично наделен всем тем, что делает его организм жизнеспособным. Этот новый человек — сверхчеловек, homo creator — должен стать действительным царем природы и подчинить ее себе силою своего разума и своей воли» (6, с. 17). Оптимальный евгенический способ достижения этого идеала — «улавливание» талантов и постановка их в такие условия, при которых они могли бы прокормить большую семью. Задача по созданию требуемых условий ложится на государство: «Культурное государство должно взять на себя важную роль естественного подбора и поставить сильных и особенно ценных людей в наиболее благоприятные условия. Неразумная благотворительность приходит на помощь слабым. Разумное, ставящее определенные цели евгеники государство должно прежде всего позаботиться о сильных и об обеспечении их семей» (6, с. 20). Роль государства в выполнении евгенических задач не сводится только к созданию социальных условий благоденствия элитных слоев населения. Как уже говорилось, одной из главных проблем евгеники является вопрос о том, кто должен взять на себя роль селекционера, определяющего генеральную линию усовершенствования человеческой породы. Для Н.К.Кольцова, как и для большинства его коллег по Русскому Евгеническому обществу, это не праздный вопрос. Русские евгенисты особенно остро ощущали, что методы евгеники аморальны с точки зрения традиционной этики. Выстраивая аналогию между «зоотехнией» и «антропотехнией», Н.К.Кольцов указывает на отличие последней от практики выведения новых сельскохозяйственных пород: хотя евгеника и является не более чем отделом зоотехнии, методы ее должны быть иными из-за «побочных трудностей» (вроде свободы выбора брачного партнера). Поэтому так важен вопрос об источнике целеполагания в евгенике. Может ли наука (ученый) взять на себя эту роль, раз уж именно она составляет основу всех прочих решений в евгенике? На этот вопрос Н.К.Кольцов отвечает отрицательно: «Наука может только выяснить биологическую основу морали, показать, что человеческая мораль сводится, с одной стороны, к тем или иным врожденным, связанным с наследственной организацией мозга инстинктам, а с другой — к благоприобретенным, не передающим по наследству привычкам, которые укрепляются в человеке под влиянием воспитания в определенной среде в том или ином общественно-экономическом строе» (6, с. 14). Наука может *помочь* человеку разобраться в его душевных коллизиях, но не может *доказать*, что та или иная этическая норма предпочтительнее других. Если

же ученый-евгеник отстаивает тот или иной нравственный идеал, «то он делает это не как ученый на основе разумной логики, а как человек с теми или иными врожденными или благоприобретенными влечениями» (6, с. 14). Отсюда следует, что сама по себе евгеника способна только рассчитать пути достижения идеала. Выбор же идеала и определение цели евгенической работы не входят в ее компетенцию. Эту задачу, по мнению Н.К.Кольцова, должно решать государство. Таким образом, по вопросу о том, кто должен взять на себя роль селекционера, он полностью солидаризуется с Платоном, Т.Мором и Т.Кампанеллой. И это не единственная позиция, объединяющая творчество ученого с работами великих утопистов прошлого. Н.К.Кольцов (как и другие члены Русского Евгенического общества, не упомянутые в данной статье) полагал, что, разрабатывая свою программу евгенического преобразования общества, он действует как ученый и руководствуется объективными данными науки. А между тем из-под его пера вышла очередная утопия и научности в ней не больше, чем в сочинении Кампанеллы, предполагавшего привлечь астрологию для определения часа зачатия. Излюбленный метод евгеники — аналогия между миром животных и человеческим обществом — имеет весьма ограниченную сферу применения и сопровождается массой ограничительных условий. Ч.Дарвин, теория которого активно эксплуатировалась поборниками расовой гигиены, не считал возможным распространить действие открытых им законов на сферу человеческой жизни, специальным изучением которой он не занимался. Будучи истинным ученым он ограничился той областью, которую действительно исследовал — миром флоры и фауны. Далеко идущие социал-дарвинистские выводы — на совести его популяризаторов и вульгаризаторов. Что же касается передачи по наследству врожденных свойств, то во времена, о которых здесь идет речь, никаких достоверных данных не было. По большому счету их и сегодня не вполне достаточно для построения прогнозов высокой точности. Таким образом, все проекты евгенистов начала века строились на аналогиях и допущениях, не имевших под собой достоверной экспериментальной базы⁴.

Из сказанного следует, что между евгеникой донаучного и научного периодов не было принципиальной разницы, как бы парадоксально это ни звучало. Это справедливо и в отношении средств евгеники, ее *способности* целенаправленно изменять что бы то ни было в человеческом организме и в обществе, ее технических возможностей, традиционно переоценивавшихся и во времена Гальтона, и сегодня. Это справедливо и в отношении целей евгеники, ее представле-

ния об идеальном человеке и идеальном государственном устройстве. Перефразируя Н.К.Кольцова, можно сказать, что ученый, вступивший в область евгеники, перестает быть ученым и действует как утопист, пытающийся подвести научную базу под свои идеологические предпочтения, сложившиеся в процессе воспитания и обучения. Сам Н.К.Кольцов являет яркий тому пример, ибо его блестящие работы, помимо впечатляющего описания бедственного положения Европы накануне второй мировой войны, содержат явные свидетельства того, как напуган автор сложившейся ситуацией, как отвратителен для него массовый выход «простонародья» на историческую арену и как ему жалко интеллигенцию, безвозвратно утратившую лидирующую позицию. Примерно в это же время немецкий врач Бёттерс писал о «волне слабоумия», захлестнувшей Германию, и призывал коллег, не дожидаясь законодательного разрешения вопроса, самостоятельно проводить принудительную стерилизацию неполноценных. Н.К.Кольцов по сути пишет о волне люмпенпролетариата, затопившего Россию, и видит выход из положения в создании тепличных условий для размножения интеллигенции. Идеалом Бёттерса является просто здоровый и благонадежный бюргер, поэтому предлагаемые им средства тоже просты и радикальны. Цель Кольцова более размыта, поэтому и средства для ее достижения не столь конкретны. Но эта разница не принципиальна: все евгенические проекты от Платона до наших дней демонстрируют неразрывную связь целей и средства. Важно то, что выбор и того и другого находится в руках надличностных сил, будь то государство (традиционная евгеника) или родители (либеральная евгеника). Методы евгеники именно потому вызывают неприятие, что целью ее в конечном счете всегда оказывается манипулирование людьми, предполагающее разделение общества на селекционеров и «стадо». Ссылки на достижения животноводства в данном контексте выглядят некорректно, ибо селекционер изначально не принадлежит к тому стаду, среди которого проводит отбор. Кроме того, различные породы домашнего скота и сельскохозяйственные растения имеют определенные назначения, выполняют определенные функции. Успешность работы селекционера не в последнюю очередь определяется ясностью задачи и определенностью цели поисков. А кто способен определить, в чем предназначение человека и каким ему надлежит быть?

Одним из отличительных свойств евгенического планирования является его долгосрочность. Результаты вмешательства в геном можно будет по достоинству оценить только спустя десятки, а то и сотни лет. Тогда и станет ясно, где были допущены ошибки и какие побоч-

ные эффекты дали наши благие намерения. Но даже если результаты вмешательства будут полностью соответствовать нашим ожиданиям (на что на самом деле надежды мало), они воплотятся в жизнь уже в полностью изменившемся мире. Выше уже говорилось, что всякий идеал исторически ограничен, привязан к определенному социальному субстрату. Это очевидно, когда мы обращаемся к евгеническим проектам далекого прошлого: понятно, что бесшабашные стражи Платона не подходят для аскетической жизни в Городе Солнца, а утопиицы Т.Мора с их патриархальным укладом и натуральным хозяйством — для жизни в промышленных городах Европы начала XX века. Но если мы обратимся к идеалам недалекого прошлого, например к всесторонне развитому и деятельному индивиду Н.К.Кольцова, то в наших глазах он не будет выглядеть комично или нелепо. Однако если следовать логике предыдущих рассуждений, то это говорит не столько о приближении данного идеала к некоему объективно существующему совершенству, а об ограниченности человеческого воображения, не способного строить достоверные долгосрочные прогнозы. То, что сегодня кажется нам благом, завтра легко может обернуться своей противоположностью. Евгеническое вмешательство, нацеленное на развитие, усовершенствование человеческой породы, в действительности грозит человечеству полным застоём. Вообразите только, каким бы был наш мир сейчас, если бы платоновское идеальное государство было построено, если бы у его правителей была реальная возможность век за веком «относить в укромное место» весь негодный с их точки зрения приплод? А если бы такая возможность была у Т.Мора, Т.Кампанеллы или даже у Н.К.Кольцова? Идеал, создаваемый каждой эпохой, фиксирует положение вещей, характерное для этой эпохи. Неутомимые воины, благородные рыцари, благочестивые монашки и пламенные революционеры — все это идеальные продукты своего времени и этим персонажам нет места в современном мире, как, возможно, в завтрашнем не окажется места для всесторонне развитого идеала наших дней. Всякая попытка выстроить человека по определенному образцу одновременно окажется и попыткой остановить историю. Поэтому говорить о благости намерений евгеники попросту некорректно. Вред, заключенный в аморальных, человеконенавистнических *средствах* евгеники ничто по сравнению с тем злом, которое несут человечеству ее благородные *цели*. Об этом необходимо помнить, потому что до сих пор евгеника не смогла причинить ощутимого вреда лишь потому, что не располагала средствами для воплощения в реальность своих замыслов⁵. Но современная ситуация существенно иная. И — если только мы в очередной раз не

переоцениваем возможности генетики, то с расшифровкой генома человека и усовершенствованием техники клонирования евгеника получает реальную возможность для осуществления своих проектов. Она становится силой, если не сказать оружием. И – это оружие, в силу чрезвычайной дороговизны современных биотехнологий, доступно только государству.

Сказанное выше подводит нас к вопросу о том, существует ли «позитив» в евгенике. В свое время Ф.Гальтон и его единомышленники убедительно показали, что существует *потребность* в евгеническом вмешательстве. С тех пор по данным статистики положение со здоровьем населения и перенаселенность еще больше ухудшилось. Так стоит ли совершенно отказываться от евгеники на том только основании, что любой шаг в этом направлении чреват негативными последствиями? Вообще говоря, вся история науки свидетельствует о том, что потенциальная опасность никогда не останавливала человечество. Все, что делается наукой, может быть обращено во вред, но все, что может принести пользу (или выгоду), рано или поздно будет востребовано. Опыт Хиросимы не остановил ядерных исследований, потому что наличие мощного военно-промышленного комплекса дает государству слишком ощутимые преимущества не только в политической и экономической области, т.е. в конечном счете повышает материальное благосостояние каждого гражданина ядерной державы, в том числе и пацифиста.

Подобным же образом обстоит дело и с евгеникой: если внедрение евгенических программ будет давать государству ощутимые преимущества в сфере экономики, то никакие этические или религиозные запреты не смогут воспрепятствовать этому процессу. Современная медицинская статистика, структурная безработица, перенаселение, нелегальная эмиграция и проч. делают использование методов «качественной демографии» все более настоятельной необходимостью. Н.К.Кольцов говорил, что разумное государство должно вести грамотную евгеническую политику. Теперь же мы приближаемся к тому этапу, когда государство будет *вынуждено* заняться евгеническим планированием. Несомненно, введение дополнительных ограничений не может не вызвать недовольство многих людей, причем не только «малоценных». Но ведь и повышение цен, например, почти никому не нравится, однако население уже приучено относиться к экономическому диктату властных структур как к естественной данности. Возможно, в будущем ему предстоит научиться так же воспринимать и государственный контроль, осуществляемый в самой интимной сфере.

В этой ситуации наиболее тревожным обстоятельством кажется то, что никаких новых методов ведения евгенической политики на сегодня не придумано, а недостатки старых приемов — пропаганда, агитация, меры экономического воздействия, принудительная и добровольная стерилизация, эвтаназия неполноценных — уже неоднократно обсуждались и достаточно очевидны. Надежды на могущество генетики, переживающей сегодня стремительное развитие, тоже обманчивы. Собрать генотип по одному гену, чтобы сразу получать особь с заданными свойствами, человечество сможет еще очень нескоро, да и против такой процедуры существует множество этических возражений. Все же остальные методы (например, медицинская генетика, составление генетических паспортов, пренатальные консультации и проч.) не могут дать достаточно ощутимых и быстрых результатов.

Литература

1. *Платон*. Соч. в 3-х тт. Т. 3 (1). М., 1971.
2. *Мор Т.* Утопия. М.—Л., 1947.
3. *Кампанелла Т.* Город солнца. М.—Л., 1947.
4. *Weingart P., Kroll J., Bajertz K.* Kasse, Blut u. Gene. Frankfurt a.M., 1988.
5. *Филипченко Ю.А.* Пути улучшения человеческого рода. Евгеника. Л., 1924.
6. *Кольцов Н.К.* Улучшение человеческой природы // Русский евгенический журнал. 1922. Т. 1. Вып. 1. С. 3—27.
7. *Proetz A.* Die Tüchtigkeit unserer Rasse und der Schutz der Schwachen. В., 1895.

Примечания

- ¹ Философам, управляющим государством, отведена роль селекционеров, стоящих *над* обществом.
- ² См.: «Программа практической евгенической политики, одобренной Советом Английского Евгенического общества, как выражение его ближайших чаяний» (Русский Евгенический журнал. Т. 5. Вып. 2. 1927. С. 37—40; «Программа расовой гигиены д-ра Мьоена (Норвегия)» (Там же. Т. 3. Вып. 2. 1925. С. 139).
- ³ Цит. по: *Weingart P., Kroll J., Bajertz K.* Rasse, Blut und Gene. Fr. a/M., 1988. S. 32—33.
- ⁴ Н.К.Кольцов называет невозможность поставить эксперимент одним из отличий евгеники от зоотехнии. С этим обстоятельством он связывает неизбежные задержки в развитии данной области знания.
- ⁵ Я намеренно умалчиваю здесь об ужасах, творившихся в фашистской Германии, ибо они практически не отразились на генофонде — это тема для отдельного обсуждения. Хотя поведение немецких ученых, пожертвовавших принципами гуманизма ради удовлетворения своего научного любопытства, само по себе весьма показательное.